

НАСИЛИЕ И ХРИСТИАНСКАЯ КУЛЬТУРА: ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПРОБЛЕМЫ СВ. АМВРОСИЕМ МЕДИОЛАНСКИМ

А.Г. Смирнов

Аннотация. Христианство как мировая религия является одним из важных аспектов мирового историко-культурного развития. Рассматриваемая в его контексте тема применения насилия имеет междисциплинарный характер, затрагивая сферы культуры, истории, этики, религиоведения, социологии и политологии. Несмотря на хронологическую удалённость эпохи, когда жил св. Амвросий Медиоланский (IV век), его суждения не утратили актуальности в связи с их догматической верностью и каноничностью церковных устоев, а также ролью войн и насилия в истории и современности человечества.

Имя св. Амвросия Медиоланского часто упоминается в медиевистических трудах в связи с возникновением концепции «справедливой войны» (*bellumjustum*). Однако его суждения о проблеме войн и насилия в христианском обществе, несмотря на их лаконичность (у епископа вовсе нет сочинений, посвященных непосредственно войне), более глубоки. Автором показывается приоритетное значение взаимосвязи насилия со смысловой мотивацией его применения во взглядах епископа. Этот аспект, к сожалению, исследователи часто обходят своим вниманием, сосредотачиваясь лишь на переходе от идей христианского пацифизма к легализации войны.

Воззрения св. Амвросия представлены в историко-культурном контексте событий, происходивших в IV веке в Римской империи. Характеристика сложных цивилизационных процессов, радикальная трансформация статуса Церкви на государственном уровне, а также особенности антимилитаристской традиции раннего христианства позволяют более глубоко представить сложность и важность проблемы насилия, вставшей в тот период перед Церковью.

Именно св. Амвросий Медиоланский впервые показал путь её решения, который стал основой теологической мысли в католической и православной традициях вплоть до настоящего времени. Поэтому рассматриваемая нами тема имеет вневременной характер, связывая историко-культурную традицию прошлого и современные реалии.

Ключевые слова. История, культура, насилие, пацифизм, религия, справедливая война, св. Амвросий Медиоланский, традиция, христианство, *bellumjustum*.

Введение

Актуальность исследования насилия и его интерпретации св. Амвросием Медиоланским связана с рядом научных аспектов:

- данная тема находится в русле важного для современной научной мысли изучения роли традиций (включая религиозно-этические) в современном обществе;

- религиозный фактор является одним из приоритетных в мировой цивилизационной динамике, а христианство относится к категории мировых религий;

- война и насилие – элементы человеческой культуры, занимающие важное место как в исторической ретроспективе, так и в современном мире;

- непосредственно воззрения св. Амвросия, несмотря на разделяющие нас 16 веков, не утратили своего значения в связи с ролью традиций в православии и католицизме;

- авторитетом епископа, канонизированного вскоре после смерти и жившего задолго до Великой схизмы 1054 г.;

- признанием Церковью догматически верными его воззрений на проблему войны и насилия в христианском социуме. Последнее подтверждено, в частности, принятыми на Архиерейском соборе в 2000 г. «Основами социальной концепцией Русской Православной Церкви» [15, II, 2-4; VIII, 1-5; IX, 1; XVI, 1].

Научная разработанность темы

В историческом ракурсе идеи св. Амвросия о справедливой войне (*bellum justum*) обычно рассматриваются в медиевистических трудах, посвящённых войнам, рыцарству или крестовым походам. Наиболее детально в подобном ракурсе проблематика *bellum justum* рассмотрена в работах Ж. Флори [Flori, 1983], Ф. Контамина [Контамин, 2001] и ряда других учёных. Отметим, что идеи св. Амвросия обычно трактуются в русле начала милитаризации западноевропейского христианского социума. Это

логично с точки зрения исторической динамики теологических суждений о войне. Однако сами воззрения епископа порой бывают вырваны из контекста его работ и, соответственно, искажают в той или иной мере суть его суждений. Также, на наш взгляд, идеи св. Амвросия имеют более широкую трактовку, связанную с этической сферой, а их значение выходит за рамки эпохи Средневековья. Отметим и наличие исследований, посвящённых непосредственно концепции справедливой войны. Но учёными при этом большее внимание уделяется ученику св. Амвросия, Августину Аврелию, у которого данная тема рассмотрена более подробно [Бородин, 1996; Панафидин, 2014; Flori, 1983].

Биографы св. Амвросия уделяют небольшое внимание рассматриваемой нами теме насилия, отдавая приоритет жизнеописанию, историко-культурной специфике эпохи, теологическим вопросам, противостоянию епископа ересям и еретикам, взаимоотношениям Церкви и светской власти на личностном и институциональном уровнях [Адамов, 2006; Казаков, 1995]. Действительно, в работах святого войне и насилию уделено несравненно меньшее место по сравнению с духовными вопросами, а трудов, посвящённых непосредственно войне, нет вовсе [Амвросий Медиоланский, 1997; Амвросий Медиоланский, 1995]. Однако значение его взглядов на данную проблему в контексте исторической динамики и их этическая вневременная ценность заслуживают более пристального внимания.

Научная новизна исследования заключается в отходе от классической трактовки воззрений св. Амвросия Медиоланского на проблему насилия в христианском обществе в русле легитимизации войны и рассмотрении их в аксиологическом аспекте с точки зрения смысловой мотивации применения насилия.

Методология исследования

Специфика представленной работы неизбежно связана с применением обще-

научных методов историзма и объективности. Диахронный аспект рассмотрения воззрений на проблему войны в теологической мысли потребовал применения историко-генетического подхода. Неизбежность оценочных суждений в работе предполагает использование аксиологического метода, а связанные с ними сравнения взглядов на рассматриваемые вопросы – компаративного метода. Связь темы со сферами культуры, исторического знания, теологии, этики предполагает использование культурологического междисциплинарного подхода.

Исследование: основная часть

Несмотря на приоритетно негативное отношение к войне и насилию в массовом сознании, они постоянно присутствуют в историко-культурном развитии человечества. Данная сфера связана и с христианской культурой, имеющей двухтысячелетнюю историю и в значительной мере ориентированной на принцип традиционализма. Этот факт требует обращения к истокам воззрений Церкви на проблему насилия. При этом христианство относится к категории мировых религий, а православие оказало и оказывает большое влияние на развитие нашей страны. Данный ракурс придаёт актуальность исследованию рассматриваемой нами проблематики, связывая древность и современность.

Учитывая время, в которое жил св. Амвросий Медиоланский (334 – 397), и историческую ситуацию Великого переселения народов и варварских нашествий на Римскую империю, одной из приоритетных для современников епископа была проблема насилия и участия членов Церкви в войнах. При этом суждения святителя более глубоки и применимы в более широком контексте, чем простой запрет или санкционирование насилия для христиан.

Евангелие даёт основание для подобного ракурса, ибо Христос в Нагорной проповеди [6, Мф., 5: 21–22] значительно расширил буквальное понимание ветхозаветной заповеди о запрете убийства [6,

Исх., 20:13]. Такой ракурс органично вписывается в заповедь о любви к ближнему, ибо «Бог есть любовь» [6, 1 Ин., 4: 8].

Исходя из данной эталонной модели, христианство обычно ассоциируется с миролюбием. Следовательно, верующие должны отказаться не только от кровопролития, но и от агрессии в целом. В Св. Писании много мест, посвящённых этому аспекту. Ещё в XVII в. их детально проанализировал голландский юрист и философ Г. Гроций [Гроций, 1994: 91–104].

Только для ветхозаветной традиции были характерны войны иудеев с соседями, характеризующиеся в сакральном контексте. Они легитимизировались принципом противостояния богоизбранного народа окружающим его язычникам. Однако апостольская проповедь прекратила этническое разделение [6, Гал., 3:28–29; Кол., 3:10–11]. Религиозная оппозиция также не критична, ибо и язычники могли обратиться к Богу.

В этом ракурсе апологеты первых веков христианства радикально критично относились к службе в армии. Швейцарский медиевист Ж. Флори, анализируя их воззрения, в частности, отметил, что известный богослов Тертуллиан (ок. 160 – ок. 220) даже использовал военную терминологию для противопоставления верующего как воина Христа (*miles Christi*) обычному воину (*miles*) [Flori, 1983: 10–12].

В русле эсхатологических настроений христиане первых веков отдавали приоритет Царству Небесному, а не земному. Римская армия, в чьи функции входило поддержание внутригосударственного правопорядка, участвовала в репрессиях против христиан. Этот факт усиливал негативное восприятие армии как государственного института и применяемого ей насилия. Антитеза жестокости земной власти и милости Божией в сакральной мире усиливала пацифистские настроения христиан.

В правовом аспекте отказ от службы не был противозаконен. В эпоху Римской империи воинская служба стала добровольной и верующие могли легально отказаться носить оружие. Этот момент имеет важное значение, так как хри-

стиане были оппозиционны языческой власти только в религиозных вопросах. Они следовали в этом словам Христа отдавать Богу Богово, а кесарю – кесарево [6, Мф., 22: 15 – 21]. Апостол Павел неоднократно пользовался привилегиями римского гражданина [6, Деян., 16: 37 – 40; 22: 25 – 30; 25: 7 – 16]. Поэтому, несмотря на репрессии, нет сведений о бунтах и заговорах христиан против государства или его отдельных представителей. Историк и богослов А.Е. Мусин отметил, что светская власть представлялась многим апологетам лишь по форме мирским институтом, а по сути воспринималась в сакральном ключе, как божественное установление [Мусин, 1997: 28-29]. Следовательно, христиане, не нарушая закон, могли избежать кровопролития и применения насилия. Функции защиты границ и поддержания правопорядка возлагались ими в I – нач. IV вв. на языческое государство.

На практике верующие первых веков не всегда придерживались императива пацифизма. Среди святых той эпохи мы встречаем как отказавшихся от военной службы (свв. Тараха, Иерона, Виктора и др.) [Дмитрий Ростовский, 1902-1914: Т.2: 263, Т.3: 135-142, 217], так и воинов, включая высокопоставленных (свв. Дмитрия Солунского и его отца Декия, св. Меркурия и др.) [Дмитрий Ростовский, 1902-1914: Т.2: 561-575, Т. 3: 681-579].

Однако в IV веке, когда жил св. Амвросий Медиоланский, происходила значительная трансформация европейского цивилизационного развития. Комплексный кризис Римской империи и усиление внешней агрессии варваров-язычников порождали ощущение нестабильности (в том числе и аксиологической). В этих условиях выдержавшее испытание трёхвековыми гонениями христианство как религия спасения и оказанная в начале IV в. императором Константином Великим поддержка Церкви привели к значительному росту числа верующих.

С 324 г. христианство в Римской империи стало государственной религией. В сложившейся исторической обстановке актуализировалась проблема воинов-

milites в христианском социуме. Слова Оригена «Мы никогда более не поднимем меч ни на один народ, <...> ибо Христос сделал нас сыновьями мира» [Контамин, 2001: 286, прим. 16] противоречили теперь, как это ни странно кажется на первый взгляд, заповеди о любви к ближним. Наглядно эта антитеза представлена В.С. Соловьёвым в «Трёх разговорах о войне, прогрессе и конце мировой истории...», где он показывает, что любовь к ближнему подразумевает и его защиту [Соловьёв, 1999: 451-584].

Трансформация политических реалий и статуса Церкви делали пацифистские суждения апологетов дискуссионными. В новых условиях требовалось, опираясь на авторитет Св. Писания, искать новые решения. По сути, ситуация была близка к описанной британским историком и культурологом А. Тойнби теории вызова и ответа [Тойнби, 1991: 106-142].

Проблема соотношения устоявшейся эталонной модели, буквального восприятия заповедей и вариативность реалий не имеет строгой хронологической привязки, относясь к категории «вечных». В связи с этим уже в XXI в. Патриарх Кирилл вновь обратился к проблеме любви и зла в мире [Кирилл, Патриарх Московский и всея Руси, 2015: 80-84].

Св. Амвросий как епископ столичного города Медиолана стоял перед сложным выбором. С одной стороны, существовала трёхвековая традиция пацифизма, сформированная апологетами и закрепившаяся в массовом сознании верующих. Наверняка нарушить её было страшно, ведь она опиралась на главную заповедь о любви. Также, при наличии сильной арианской еретической оппозиции был риск ошибочного суждения церковного иерарха и нового раскола. Однако непротавление вооружённой языческой экспансии также не было лучшим выбором. В христианском государстве Церковь не могла рекомендовать власти пассивно наблюдать за страданиями единоверцев и гибелью государства, поощряя этим зло агрессоров. Отмеченная нами ранее сакральность трактовки власти Церковью предполагала и ответственность её

представителей за происходящее в религиозном аспекте.

Филолог и культуролог С.С. Аверинцев отметил особую роль восприятия Римской империи в сознании членов Церкви как бастиона против Антихриста [Аверинцев, 2005: 73]. Особо очевидно это стало для современников в период, когда государство стало христианским. Схожее суждение встречается и у американского исследователя Дж. Денниса, отметившего, что для ромеев Константинополь воспринимался в светском плане как новый Рим, а в духовном – как новый Иерусалим [Dennis, 2001: 38]. То есть, в обоих случаях отмечается сакральная трактовка государства или столицы как его символа.

Учитывая сакральную воинственность язычников-германцев, кровопролитие для христиан было неизбежным. Оставалось сделать выбор между страданиями и гибелью единоверцев и вооружённым сопротивлением. В светском ракурсе ответ очевиден – защита справедлива и необходима. Епископ столичного Медиолана не мог быть в стороне от политических реалий. Историк М.А. Бойцов характеризует Св. Амвросия не только как «крупнейшего деятеля церкви», но и как «одного из самых влиятельных политиков в западной части империи» [Бойцов, 2009: 22]. Однако современники видели, что непротivление злу насилием дало много святых, а Промыслом Божиим Церковь не только уцелела, но и возвысилась. При этом был страх осуждения Божия за неокказание помощи безвинно страдающим и неисполнение долга помощи ближним. Ф. Контамин отметил, что св. Амвросий одним из первых среди духовенства «смог понять всю тяжесть ответственности светской власти» [Контамин, 2001: 281].

Мы можем далее перейти в сферу схоластических дискуссий, но не будем забывать о нравственно-эмоциональной сфере. Война и насилие были для жителей империи не абстрактно-теоретическими терминами, а страшной реальностью. Блж. Августин писал о войне: «Кто может размышлять о ней без душевной боли,

тот воистину утратил человеческие чувства» [Августин Аврелий, 1998: XIX, 7]. Св. Амвросий первым из христианских авторов отошёл от линейной антитезы «хорошее – плохое» (мир – война, любовь – ненависть и пр.), в рамках которой насилие имело априорно негативную оценку, и перевёл рассмотрение проблемы насилия в сферу аксиологии и личного выбора. В этом ракурсе акцент делается на смысловую мотивацию применения насилия. Епископ первым в истории теологической мысли допустил, что насилие не всегда является априорным злом.

В христианской традиции епископ впервые типологизировал войны, разделив их на справедливые и незаконные. В античности подобную дифференциацию впервые применил Аристотель, а в латинской традиции – Цицерон. О них упоминает сам святитель, но в контексте созвучности данной модели у античных мыслителей более ранней по хронологии традиции Ветхого Завета [Амвросий Медиоланский, 1995: кн. I, XXXVI, 179]. Но эта модель накладывалась на иные ценностно-этические социальные нормы. Гомеровский эпос, на котором воспитывались греки, воспевал личную воинскую доблесть арете (ἀρετή), а Римская цивилизация и вовсе сформировалась благодаря войнам и связанным с ними завоеваниям. Поэтому было бы ошибочно интерпретировать позицию св. Амвросия как продолжение античной традиции, ибо христианство имело принципиально другие ценностно-мировоззренческие установки. Выделяя только военную сферу, актуальную для современников, епископ писал: «В делах военных, думается, нужно обращать внимание на то, справедливы ли эти войны или нет» [Амвросий Медиоланский, 1995: кн. I, XXXV, 176]. Обратим внимание как на новый подход, так и на оговорку «думается». Вероятно, святитель ещё не сделал радикального разрыва между традицией пацифизма и новыми реалиями, а ставил современников перед обозначенным нами выбором между самозащитой и мученичеством.

Заметим, что Евангелие повествует о двух случаях применения насилия Хри-

стом в храме [6, Мф., 21:12; Ин., 2:15]. По формальным признакам эти действия можно расценить как кощунство. Но Патриарх Кирилл, отмечая принципы миролюбия и ненасилия, в данном случае заметил, что «Господь дал нам пример обличения и посрамления зла» [Кирилл, Патриарх Московский и всея Руси, 2015: 81]. Ведь кощунством на самом деле был не акт насилия, а превращение Храма, то есть сакрального для иудеев места, в торговую площадку для получения прибыли. Здесь мы снова отметим приоритет не формы, а мотивации насильственных действий, о чём и писал св. Амвросий.

Историк О.Р. Бородин отметил, что святитель для обоснования легитимизации воинской практики опирался на ветхозаветные примеры [Бородин, 1996: 127]. Такое смещение акцентов от Нового к Ветхому Завету позднее, к рубежу I – II тыс., сформирует идеологию священной войны (*bellum sacrum*), во многом обоснованную ветхозаветной воинственностью. Данная эволюция детально представлена в книге Ж. Флори «Идеология меча» [Flori, 1983]. Но евангельская заповедь не является отрицанием Ветхого Завета, ибо Христос пришёл не нарушить Закон, но исполнить [6, Мф., 5:17]. Напомним, что создатель Псалтыри царь Давид не смог построить Храм из-за пролития крови [6, 1 Пар., 28:2–3]. При этом св. Амвросий отмечает, что «никогда Давид не предпринимал войн, если только не вызывался (на то самими врагами)» [Амвросий Медиоланский, 1995: кн. I, XXXVI, 177]. Война не идеал, но и «мир лежит во зле» [6, Ин., 5: 19]. И епископ не идеализирует окружающий мир, замечая: «Чем кто сильнее, тем он скорее притесняет более слабого» [Амвросий Медиоланский, 1995: кн. I, XXXV, 176]. Об этом после напишет блж. Августин: «Никогда люди не будут жить в безопасности, не боясь нападений, угрожающих жизни» [Августин Аврелий, 1998: XVIII, 13].

В подобных обстоятельствах инициирование войны следовало мотивировать не мстостью, тщеславием или корыстью, а христианской любовью к ближним. В историческом контексте IV в. она прояв-

лялась в охране жизни и свободы жителей империи, а также их собственности и прав. Важно подчеркнуть, что воинская служба связана с риском для здоровья и жизни. И святитель отмечает храбрость «в военных подвигах» [Амвросий Медиоланский, 1995: кн. I, XXXV, 175], ибо здесь может отчётливо проявиться высшая степень любви, о которой говорится в Евангелии, – альтруистическая готовность к самопожертвованию ради интересов других людей [6, Ин., 15: 13]. Святитель прямо мотивирует представителей власти на проявление активности. По принципу антитезы, он, возвышая помощь ближнему, уравнивает бездеятельность, непротivление злу насилеиm, применением в отношении ближних, с самим насилеиm. По его мнению, «тот, кто не избавляет своего союзника от обиды, – буде имеет к тому возможность, – столько же виноват, сколько и тот, кто наносит эту обиду» [Амвросий Медиоланский, 1995: кн. I, XXXVI, 178].

Несмотря на моральную мотивацию лиц, применяющих справедливое насилие, св. Амвросий сильно ограничивал их круг. Здесь видятся приоритетными два аспекта. Во-первых, война и насилие в целом являются исключительной мерой противостояния агрессии. Было бы странно после трёх веков христианского пацифизма легитимизировать право всех на агрессию. Ведь смысловая мотивация может быть субъективно истолкована, исходя из греховности человеческой природы. Во-вторых, мы уже отмечали сакральную трактовку власти в раннем христианстве. Поэтому логично было наделение правом начала войны императоров и уполномоченных ими лиц. В прагматичном плане собрать значительную армию для решения серьёзных задач также могла лишь ограниченная часть элиты. Подобный подход не допускал и проявлений сепаратизма со стороны представителей региональной знати, укрепляя авторитет централизованной власти.

Часто исследователи пишут о санкционировании войн в рамках концепции *bellum justum*. Но есть важный аспект, ко-

торый не замечается. Св. Амвросий писал (очень кратко) о воинской практике двух императоров в рамках утешительных похвальных слов на их смерть. То есть речь идёт не о инициативе начала войн со стороны Церкви (как это будет позже, в эпоху Крестовых походов в Западной Европе), а об оценке деятельности правителей *postfactum*, в рамках выполненного ими долга. Так, позитивно оценивается защита Италии от внешней агрессии императором Валентинианом II мл. (375 — 392), который, по словам епископа, «взял на себя нашу опасность и оставил покой» [Амвросий Медиоланский, 1997: 155]. Эти слова отвечают заповеди о жертвенной любви христианина [6, Ин., 15: 13]. Во втором случае речь идёт о Феодосии I Великом (379—395). Сначала упомянут эпизод сражения, в котором монарх призвал Бога и этим воодушевил войско, а затем проведена параллель между земным и небесным воинством [Амвросий Медиоланский, 1997: 172, 185].

Только императору Грациану (375 — 383) святитель благословил знамёна и предсказал победу над противником. Но данный эпизод известен на уровне церковного предания. В частности, его приводит св. Димитрий Ростовский в житии св. Амвросия Медиоланского [Дмитрий Ростовский, 1902-1914: Т.4: 219]. Исходя из сказанного, можно констатировать отсутствие милитаристских тенденций у св. Амвросия. Насилие трактуется им как вынужденная мера, используемая легитимной властью для пресечения беззакония. Новшество позиции епископа заключалось именно в самой допустимости воинской практики для христиан при соблюдении ряда ограничений и отказе от теории тотального пацифизма верующих.

Важно подчеркнуть, что право на насилие сопряжено у св. Амвросия с ответственностью в религиозном плане. Эпизод с подавлением бунта в Фессалониках демонстрирует потенциал трансформации санкционированного насилия в противоправные в светском плане и греховные в религиозном аспекте действия. Император Феодосий I имел право и был

должен усмирить восстание как противозаконный акт. Однако его воины значительно превысили полномочия. Они не только не искали виновных, но убивали горожан без разбора, руководствуясь исключительно чувством мести. Ввиду чрезвычайных последствий произошедшего негодование епископа было столь сильно, что он не встретил, согласно обычаю, императора при его въезде в город и обличил действия монарха в послании. За этим последовало наложение строгой епитимьи и длительное публичное покаяние Феодосия [Адамов, 2006: 74-76; Бойцов, 2009]. Таким образом, можно констатировать, что легитимное и справедливое насилие в трактовке святителя не являются синонимами, а ответственность за происходящее возлагается на власть, инициировавшую насилие.

В отношении этических норм простых воинов-*miletes* св. Амвросий не писал ничего нового, очевидно считая достаточным приведённый в Евангелии ответ Иоанна Крестителя воинам [6, Лк., 3:12 – 14]. Призыв довольствоваться положенными по закону средствами и отказ от противоправных действий силой оружия в условиях частых войн был действительно серьёзным ограничением в рассматриваемую нами эпоху. Блж. Августин позже справедливо обосновал незначительное внимание к простым воинам подчинённой ролью *miletes*, ибо они лишь исполняли приказы, данные им полномочными представителями власти [Августин Аврелий, 1998: Т. 3, I, 21].

Очевидно, что проблема несанкционированного насилия со стороны *miletes* существовала в IV в. Но необходимость сил правопорядка также была очевидна. Иоанн Креститель, призывая к покаянию (то есть радикальному изменению жизни и отказу от греха), не запретил военное дело, связанное с пролитием крови. И св. Амвросий в этом русле также не осуждал данную профессиональную деятельность и лиц, связанных с ней. Учитывая амбивалентность применения насилия, критериями практики *miletes* должны служить заповеди Св. Писания и смысловая мотивация военной деятель-

ности. Данные аспекты даже в условиях современной социальной секуляризации не утрачивают актуальности. И особенно в условиях, когда необходимо экстренное принятие решений, не предусмотренных уставами или должностными инструкциями.

Заключение

Св. Амвросий Медиоланский первым из деятелей Церкви допустил возможность отказа от тотального пацифизма апологетов и легитимизацию войны и насилия в целом в христианском обществе. Начало данной идеологической трансформации важно в религиозном, социальном и историко-культурном аспектах. Этот идейный перелом неоднократно отмечался в теологических и историко-медиевистических трудах. При этом лишь констатация факта допустимости насилия епископом во многих работах невольно искажает суть его суждений.

В рамках проведенного исследования необходимо констатировать, что базовым элементом воззрений св. Амвросия является не запрет или разрешение насилия, а смысловая мотивация его применения. Критериями же при принятии подобного решения должны выступать принципы Св. Писания. Данный ракурс позволяет адекватно реагировать на

угрозы, реализуя заповедь о любви к ближнему, которая заключается и в его защите. При этом человек не лишается присущей ему свободы воли. Однако решение о применении насилия всегда связано с нравственным выбором и ответственностью за него в религиозном, моральном и правовом аспектах.

В догматическом плане идеи *bellumjustum* получили значительное дальнейшее развитие в теологической мысли и сыграли большую роль в формировании церковных воззрений на проблему войны и насилия. Их актуальность в начале XXI в. подчёркивает особую важность рассмотренных нами идей св. Амвросия Медиоланского. Представленный историко-культурный контекст событий IV в. в Римской империи позволил полноценно понять причины возникновения теории справедливой войны. Ключевым моментом здесь является возникшая перед Церковью проблема санкционирования участия верующих в защите государства и поддержании внутреннего правопорядка. Впервые путь её решения наметил св. Амвросий. Данный ракурс, ввиду его большого социального значения и роли религиозного фактора в отечественной истории и современности, актуализирует рассмотренную нами проблематику как имеющую вневременной характер.

Список литературы:

- Августин Аврелий. О граде Божием // Творения 4 т.: Т.4 / Сост. С.И. Еремеева. Т. 3–4. СПб.: Алетейя; Киев: УЦИМН-ПРЕСС, 1998. 592 с.
- Аверинцев С.С. Другой Рим: избранные статьи. СПб.: Амфора, 2005. 366 с.
- Адамов И.И. Святитель Амвросий Медиоланский. Сергиев Посад: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2006. 583 с.
- Амвросий Медиоланский. Две книги о покаянии и другие творения. М.: Учебно-информ. екуменический центр ап. Павла, 1997. 205 с.
- Амвросий Медиоланский. Об обязанностях священнослужителей / Пер. с латин. Г. Прохорова. М.; Рига: Благовест, 1995. 379 с.
- Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Канонические / В русском переводе с параллельными местами и приложением. Перепеч. с Синод. изд. 1912 г. М.: Российское библейское общество, 2016. 1217 с.

Бойцов М.А. Покаяние императора: Феодосий I и Амвросий Медиоланский // Вестник древней истории. М.: Наука, 2009. № 2. С. 21-48.

Бородин О.Р. Отношение к войне и миру в христианстве эпохи ранней патристики (формирование христианского пацифизма) // Византийские очерки. М.: Индрик, 1996. С. 116-130.

Гроций Г. О праве войны и мира / Пер. с латин. А.Л. Саккетти, общ.ред. С.Б. Крылова. М.: Ладомир, 1994. 868 с.

Димитрий Ростовский, св. Жития святых, на русском языке изложенные по руководству Четьих - Миней: В 12т. М.: Синод. типография, 1902-1914. Т. 2 - 642 с., Т. 3 - 830 с., Т.4 - 866 с.

Казаков М.М. Епископ и империя. Амвросий Медиоланский и Римская империя в IV веке. Смоленск: Траст-Имаком; СГУ, 1995. 336 с.

Кирилл, Патриарх Московский и всея Руси. Пасхальная весть. М.: Никея, 2015. 320 с.

Мусин А.Е. Церковь. Общество. Власть. Взаимные отношения Церкви, общества и государства по учению ранних отцов и учителей Церкви I – III вв. Опыт патрологического исследования. Петрозаводск: Кругозор, 1997. 191 с.

Контамин Ф. Война в Средние века. СПб.: Ювента, 2001. 410 с.

Основы социальной концепции Русской Православной Церкви [Электронный ресурс]. URL: // <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html> (дата обращения: 20.02.2018).

Панафидин И.А. Justumbellum как философская традиция морального ограничения войны // Актуальні проблеми духовності. 2014. №15. С. 159-174.

Соловьев В.М. Три разговора о войне, прогрессе и конце мировой истории, со включением краткой повести об антихристе // Спор о справедливости. М.: ЭКСМО-Пресс; Харьков: Фолио, 1999. С. 451-584.

Тойнби А.Дж. Постигание истории. М.: Прогресс, 1991. 736 с.

Dennis G.T. Defenders of the Christian People: «Holy war» in Byzantium // The Crusades from the Perspective of Byzantium and the Muslim World / Ed. by A.E. Laiou, R.P. Mottahedeh. Washington: Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 2001. P. 31-39.

Flori J. L'idéologie du glaive: Prehistoire de la chevalerie. Geneve: Librairie Droz, 1983. 205 p.

Об авторе:

Смирнов Александр Георгиевич – к. культурологии, доцент кафедры истории Московского педагогического государственного университета (МПГУ). Российская Федерация, 119991, Москва, М. Пироговская ул. 1/1. E-mail: asmir73@mail.ru.

VIOLENCE AND CHRISTIAN CULTURE: INTERPRETATION OF THE PROBLEM OF SV. AMBROSE OF MILAN

A.G. Smirnov

Abstracts. Christianity as a world religion is one of the important aspects of world historical and cultural development. The topic of violence, considered in its context, is of an interdisciplinary nature, affecting the spheres of culture, history, ethics, religion, sociology and political science. Chronologically, the era of St. Ambrose of Milan (IV century) is far from us. Despite this, his judgments have not lost relevance due to their dogmatic fidelity and canonicity of church principles, as well as the role of wars and violence in the history and modernity of mankind.

The name of St. Ambrose of Milan is often mentioned in medieval studies in connection with the emergence of the concept of "just war" (bellum justum). However, his judgments about the problem of wars and violence in Christian society, despite their brevity (the Bishop does not have works devoted

directly to the war), are more profound. The author shows the priority importance of the relationship of violence with the semantic motivation of its application in the views of the Bishop. Unfortunately, this aspect is often neglected by the researchers focusing only on the transition from the ideas of Christian pacifism to the legalization of the war.

The characteristics of complex civilizational processes, the radical transformation of the status of the Church at the state level, as well as the peculiarities of the anti-militarist tradition of early Christianity allow us to imagine more deeply the complexity and importance of the problem of violence that arose before the Church at that time. St. Ambrose of Milan first showed the way to solve it, which became the basis of theological ideas in the Catholic and Orthodox traditions up to the present time. Therefore, the topic we are considering has a timeless character, linking the historical and cultural tradition of the past and contemporary realities.

Key words. History, culture, violence, pacifism, religion, st. Ambrose of Milan, just war, tradition, Christianity, *bellum justum*.

References:

Avgustin Avrelii. O grade Bozhiem [The City of God]. *Tvoreniia*: V 4 t. T. 4. [Creations: in 4 vol. V. 4] / Sost. S.I. Eremeeva. Saint-Petersburg, Aletea; Kiev, UTSIMN-Press, 1998. 592 p. (In Russian).

Averintsev S.S. *Drugoi Rim: izbranie stat'i* [The Other Rome: selected articles]. Saint-Petersburg, Amphora, 2005. 366 p. (In Russian).

Adamov I.I. *Sviatitel' Amvrocii Mediolanskii* [Sainted Ambrose of Milan]. Sergiev Posad, Holy Trinity Lavra Of St. Sergius, 2006. 583 p. (In Russian).

Amvrocii Mediolanskii. *Dve knigi o pokaianii i drugie tvoreniia* [Two books about repentance and other creations]. Moscow, Study-inform. Ecumenical center AP. Paul, 1997. 205 p. (In Russian).

Amvrocii Mediolanskii. *Ob obiazannostiakh sviashchennosluzhitelei* [On the duties of clergy] / Per. s latin. G. Prokhorova. Moscow, Riga, Blagovest, 1995. 379 p. (In Russian).

Bibliia. *Knigi Sviashchennogo Pisaniia Vetkhogo i Novogo Zaveta. Kanonicheskie* [Bible. Books of the Holy Scriptures of the Old and New Testament. Thecanonical] / V russkom perevode s parallel'nimi mestami i prilozheniem. Perepechatano s Sinodal'n. izd. 1912 g. [In Russian translation with parallel sites and application. Quail. with the Synod.ed. 1912]. Moscow, Russian Bible society, 2016. 1217 p. (In Russian).

Boitsov M.A. Pokaianie imperatora: Feodocii I i Amvrocii Mediolanskii [Repentance Emperor: Theodosius I and Ambrose of Milan]. *Vestnik drevnei istorii - The Bulletin of ancient history*. Moscow, Science, 2009, no. 2, pp. 21-48 (In Russian).

Borodin O.R. Otnoshenie k voine i miru v khristianstve epokhi rannei patristiki (formirovanie khristianskogo patsifizma) [Attitude to war and peace in Christianity in the era of early patristic (the formation of Christian pacifism)]. *Vizantiiskie ocherki* [Byzantine essays]. Moscow, Indrik, 1996, pp. 116-130 (In Russian).

Grotsii G. *O prave voini i mira* [On the Law of War and Peace] / Per. s latin. A.L. Sakketti, obshch. red. S.B. Krilova. Moscow, Ladimir, 1994. 868 p. (In Russian).

Dimitrii Rostovskii, st. *Zhitija svyatykh, na russkom jazyke izlozhennyye po rukovodstvu Chet'ih - Minej*: V 12 t. [Lives of the saints, in Russian in the Russian language set out on the basis of Chetyh-Minei: In 12 vol.]. Moscow, The Synod. printing office, 1902-1914. V. 2 - 642 p., V. 3 - 830 p., V. 4 - 866 p. (In Russian).

Kazakov M.M. *Episkop i imperia. Amvrocii Mediolanskii i Rimskaa imperiia v IV veke* [Bishop and empire. Ambrose of Milan and Roman Empire in the 4th century]. Smolensk: Trast-Imakom; SSU, 1995. 336 p. (In Russian).

Kirill, Patriarkh Moskovskii i vseia Rusi. *Paskhal'naia vest'* [Paschal knowledge]. Moscow, Nikea, 2015. 320 p. (In Russian).

Musin A. E. *Tserkov. Obshchestvo. Vlast'. Vzaimnie otnosheniia Tserkvi, obshchestva i gosudarstva poucheniui rannikh ottsov i uchitelei Tserkvi I - III vv. Opit patrologicheskogo issledovaniia* [Church. Society. Authority. The mutual relations of Church, state and society according to the teachings of the early

fathers and teachers of the Church I–III centuries. Experience pathological studies]. Petrozavodsk, The Horizons, 1997. 191 p. (In Russian).

Kontamine F. *Voina v Srednie veka* [War in the Middle Ages]. Saint-Petersburg, Uventa, 2001. 410 p. (In Russian).

Osnovi sotsial'noi kontseptsii Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi [Bases of the social concept of the Russian Orthodox Church]. Available at: <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html> (accessed 20 February 2018) (In Russian).

Panafidin I.A. Justumbellum kak filosofskaia tradicii amoral'nogo ogranichenia voini [Justum bellum as a philosophical tradition of moral restraint of war]. *Aktual'ni problemi duhovnosti - Actual problems of spirituality*, 2014, no. 15. pp. 159–174 (In Russian).

Solov'ev V.M. Tri razgovora o voine, progresse i kontse mirovoi istorii, so vklucheniem kratkoi povesti ob antikhriste [Three talks about war, progress and the end of world history, with the inclusion of a brief story about the Antichrist]. *Spor o spravedlivosti* [The dispute about justice]. Moscow, EKSMO-Press; Kharkiv, Folio, 1999, pp. 451–584 (In Russian).

Toynbee A.J. *A Study of History*. New York, Oxford University Press; Thames & Hudson, 1972. 576 p.

Dennis G.T. Defenders of the Christian People: «Holy war» in Byzantium. *The Crusades from the Perspective of Byzantium and the Muslim World* / Ed. by A.E. Laiou, R.P. Mottahedeh. Washington, Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 2001. pp. 31–39.

Flori J. *L'idéologie du glaive: Prehistoire de la chevalerie*. Geneve, Librairie Droz, 1983. 205 p. (In French).

About the Author:

Alexander G. Smirnov – Ph.D. (Culturology), Associate professor in Department of History at the Moscow State Pedagogical University. 1/1, M. Pirogovskaya str., Moscow, 119991, Russian Federation. E-mail: asmir73@mail.ru.